

Научная статья / Research Article

УДК 903.57

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-08)

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЯСОВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ЧОБУРАК-I)

**Николай Николаевич Серегин^{1*}, Алексей Алексеевич Тишкин²,
Сергей Сергеевич Матренин³, Татьяна Сергеевна Паршикова⁴**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия;
matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты изучения коллекции поясных гарнитур из погребений некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I, полностью раскопанного экспедицией Алтайского государственного университета. Данный памятник расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу Катуня. Публикуемые вещественные материалы происходят из 11 непотревоженных объектов. Анализируемая серия представлена железными предметами: 17 пряжек, 90 блях, четыре наконечника, распределитель, пять «блоков», 14 креплений. Они обнаруживают многочисленные аналогии в погребальных комплексах булан-кобинской культуры Алтая II–V вв. н.э. Сравнительное исследование морфологических признаков сохранившихся металлических деталей позволило определить их относительную хронологию в рамках обозначенного периода. Изучение взаимной встречаемости зафиксированных категорий снаряжения стало основанием для выделения нескольких типов наборных поясов, найденных в шести захоронениях. Установлено, что разница качественного и количественного состава гарнитур не связана с возрастом и социальным статусом умерших мужчин и, по-видимому, отражает персональные предпочтения их владельцев. В могилы женщин, подростка и ребенка помещены пояса, которые были снабжены минимальным количеством элементов. Рассмотренные изделия демонстрируют вариативность оформления поясов населением Северного Алтая в жужанское время. Археологические данные из раскопок памятника Чобурак-I подтверждают ранее выявленные тенденции эволюции снаряжения населения Алтая на рубеже поздней древности и раннего Средневековья.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, жужанское время, снаряжение, пояс, пряжка, бляха, хронология

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научно-го фонда (проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

Для цитирования: Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Элементы поясов населения Северного Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобу-

рак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №1. С. 122–148. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-08)

ELEMENTS OF THE BELTS OF THE NORTHERN ALTAI POPULATION IN THE ROURAN PERIOD (ON THE MATERIALS OF THE CHOBURAK-I NECROPOLIS)

**Nikolai N. Seregin^{1*}, Alexey A. Tishkin², Sergei S. Matrenin³,
Tatyana S. Parshikova⁴**

¹Altai State University, Barnaul, Russia;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Altai State University, Barnaul, Russia;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia;
matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

⁴Altai State University, Barnaul, Russia;
taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of studying the collection of belt sets from the burials of the Bulan-Koby culture necropolis of Choburak-I, completely excavated by the expedition of Altai State University. This site is located in the Chermal district of the Altai Republic, on the right bank of the Katun river. The published materials come from eleven undisturbed objects. The analyzed series is represented by iron objects: 17 buckles, 90 plaques, four tips, one distributor, five “blocks”, 14 fasteners. They find numerous analogies in the burial complexes of the Bulan-Koby culture of Altai in the 2nd — 5th centuries AD. A comparative study of the morphological features of the preserved metal parts made it possible to determine their relative chronology within the designated period. The study of the mutual occurrence of fixed categories of equipment became the basis for identifying several types of typesetting belts found in six burials. It has been established that the difference in the qualitative and quantitative composition of the belt sets is not related to the age and social status of the deceased men and, apparently, reflects the personal preferences of their owners. Belts from the graves of women, a teenager and a child were equipped with a minimum number of elements. The considered products demonstrate the variability in the design of belts by the population of the Northern Altai in the Rouran period. Archaeological data from the excavations of the Choburak-I site confirm the previously identified trends in the evolution of the equipment of the population of Altai at the turn of late antiquity and the early Middle Ages.

Keywords: Altai, Bulan-Koby culture, Rouran period, equipment, belt, buckle, badge, chronology

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037 “Early Turks of Central Asia: interdisciplinary historical and archaeological research”).

For citation: Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Elements of the Belts of the Northern Altai Population in the Rouran Period (on the Materials of the Choburak-I Necropolis). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(1):122–148. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-08).

Введение

Важной частью снаряжения у древних и средневековых кочевников являлся пояс, предназначенный для застегивания верхней одежды и крепления различных функциональных и декоративных элементов использовавшихся гарнитур (пряжки, портупейные ремни, бляхи, наконечники, распределители, «блоки», тренчики, застежки и др.). Результаты изучения таких многочисленных находок из раскопок археологических памятников демонстрируют их большое значение для определения хронологии отдельных объектов, изучения особенностей материальной культуры конкретных групп населения, а также реконструкции процессов межкультурного взаимодействия и социальной организации. На сегодняшний день в работах ряда специалистов обозначены особенности традиций изготовления поясных гарнитур у населения Алтая от аржано-майэмирского до монгольского времени (Суразаков, 1988, с. 71–74; Добжанский, 1990, с. 14–44; Кубарев, 2005, с. 48–56; Шульга, 2008, с. 114–118; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015; Матренин, 2017, с. 29–119; Серегин и др., 2022, с. 62–82; и др.). Выявленные тенденции в эволюции рассматриваемых изделий расширяют возможности для проведения комплексных исследований в исторической перспективе.

Несмотря на имеющийся положительный опыт, актуальной задачей современных изысканий в обозначенной области остается изучение разновидностей поясов у кочевников Алтая жужанского периода. Фрагментарность информации о рассматриваемых изделиях из археологических памятников булан-кобинской культуры 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. в значительной степени обусловлена ограниченным объемом источников, полноценно введенных в научный оборот. Целью настоящей статьи является публикация материалов, полученных в ходе раскопок некрополя Чобурак-I и демонстрирующих общие и особенные черты предметного комплекса у населения региона на рубеже древности и Средневековья.

Характеристика источников

Археологический комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу Катуня, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В составе этого разновременного памятника экспедицией Алтайского государственного университета был полностью раскопан компактный некрополь булан-кобинской культуры, состоявший из 12 непотревоженных курганов (Серегин и др., 2019, 2022; и др.). В 11 погребениях данного могильника обнаружены железные детали поясов, характеризующиеся различной степенью сохранности металла. Эти находки происходят из захоронений восьми мужчин, одной женщины, подростка и ребенка. При расчистке скелетов людей в могилах не всегда удавалось проследить порядок размещения отдельных элементов ремненных гарнитур *in situ*. Во многих случаях фиксируемые изделия были повреждены крупными камнями из заполнений могильных ям, а также сильно разрушены коррозией вследствие различных воздействий. Представим общую характеристику сохранившихся металлических деталей от поясов (рис. 1–8).

Курган №29. В погребении ребенка 9–11 лет¹⁸ обнаружен простой пояс с железной пряжкой, имевшей подвижный язычок на основании рамки округлой формы (рис. 1.-1). Пряжка располагалась у локтя левой руки умершего.

Курган №29а. На тазовых костях молодого человека 13–15 лет найдены фрагментированные железные детали пояса — две пряжки с округлой и овальной рамками (рис. 1.-2, 3), а также «распределитель» с тремя неподвижными лопастями (рис. 6.-12).

Курган №30. Наборный пояс включал значительное количество железных элементов, зафиксированных в области таза мужчины 30–35 лет. Обнаружены следующие изделия: пряжка с подвижным язычком на основании восьмерковидной рамки (рис. 1.-6); обломок пряжки с «т-образным» корпусом и подвижным язычком на вертлюге (рис. 1.-10); овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком на основании и щитком-полуобоймой вытянуто-прямоугольной формы (рис. 1.-13); бляхи-накладки с прямоугольным (1 экз.), вытянуто-прямоугольным (1 экз.) и вытянуто-трапециевидным (2 экз.) абрисом разного размера (рис. 2.-24; 3.-2, 7, 11); не менее десяти блях-полуобойм с кольцами, сохранившихся преимущественно в виде фрагментов (рис. 4.-1–4, 7, 21–23, 28, 38–45, 47); восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6.-8).

Курган №30а. В погребении мужчины 30–40 лет на тазовых костях скелета расчищены немногочисленные железные предметы от пояса. Они представлены пряжками с подвижным язычком и щитком-полуобоймой, одна из которых снабжена восьмерковидной (рис. 1.-12), а другая — овальной (рис. 1.-15) рамкой, восьмерковидным витым звеном цепочки с прикипевшей тканью (рис. 6.-15), а также обломками двух креплений (рис. 6.-11, 16).

Курган №31. В захоронении мужчины, умершего в возрасте около 40 лет, найдено большое количество элементов от наборного пояса: фрагментированная пряжка с подвижным язычком, рамкой арочной формы и щитком в виде пластины-полуобоймы удлиненных пропорций (рис. 1.-16); не менее 20 блях-накладок в виде небольших пластин преимущественно подквадратной в плане формы, фиксирующихся с помощью шпильки (рис. 2.-1–9, 11–15; 3.-8–10); бляха из двух равновеликих пластин с овально-прямоугольным абрисом вытянутых пропорций (рис. 3.-14); два «блока-кольца» (рис. 6.-1, 3). Обозначенные изделия располагались на тазовых костях умершего человека и под ними, в отдельных случаях почти вплотную друг к другу.

Курган №31а. Элементы пояса обнаружены чуть выше тазовых костей пожилого мужчины (более 55 лет). В комплект входили разнообразные изделия: три пряжки плохой сохранности с подвижным язычком (рис. 1.-5, 11, 14), две из которых снабжены щитком-полуобоймой; бляхи-накладки с подквадратным (5 экз.) и вытянуто-прямоугольным (4 экз.) корпусом, фиксирующиеся с помощью одного или двух шпильков (рис. 2.-16–20, 25–27; 3.-1); не менее семи блях-полуобойм с кольцами, сохранившимися в большинстве своем фрагментарно (рис. 4.-5, 6, 8, 9, 29–37, 48, 49); «блок» овальной формы (рис. 6.-2); обломки креплений разной конфигурации (рис. 6.-14, 17–22).

¹⁸ Определения выполнены заведующей кабинетом антропологии Алтайского госуниверситета, кандидатом исторических наук. С. С. Тур.

Курган №32. Железные детали наборного пояса зафиксированы сверху и под тазовыми костями мужчины 25–30 лет. Среди них идентифицированы следующие предметы: пряжка с подвижным язычком (не сохранился) и овальной рамкой (рис. 1.-4); три бляхи-накладки в виде пластин с одной округлой стороной и шпеньком для крепления (рис. 3.-4–6); спекшиеся в один массив бляхи-зажимы, представляющие собой узкие пластины с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими (верхними и нижними) сторонами (рис. 3.-13); два ременных наконечника овально-прямоугольной формы (рис. 5.-1, 2); «блок» в виде сомкнутой петли, фиксирующейся с помощью шпенька (рис. 6.-7); обломок крепления (рис. 6.-13).

Курган №32а. Элементы пояса лежали в области тазовых костей женщины, умершей в возрасте 40–50 лет. Комплект включал пряжку с овальной рамкой и щитком плохой сохранности (рис. 1.-8), три бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 2.-28, 29; 3.-3), две бляхи-полуобоймы с кольцами (рис. 4.-10, 11), крепление в виде кольца (рис. 6.-4).

Курган №33. В захоронении женщины 20–25 лет найдена поясная бляха, изготовленная из двух наложенных друг на друга пластин трапециевидной формы, фиксирующихся шпеньками (рис. 3.-12).

Курган №34. В погребальном инвентаре женщины 30–35 лет обнаружен простой пояс, имевший пряжку с подвижным язычком. Степень сохранности изделия не позволяет определенно судить о его форме (рис. 1.-9).

Курган №38. Наборный пояс из погребения мужчины 25–30 лет представлен разнообразными железными деталями: пряжка с восьмерковидной рамкой (рис. 1.-7); пряжка с сильно поврежденной рамкой и щитком-полуобоймой (рис. 1.-17); семь спекшихся блях-накладок подквадратной формы со шпеньковым креплением (рис. 2.-21–23); бляха-накладка с прямоугольным абрисом (рис. 2.-30); девять блях-полуобойм с кольцами (рис. 4.-12–20); наконечник ремня овально-прямоугольной формы со шпеньками (рис. 5.-3); два «блока» (рис. 6.-5, 6); восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6.-10). Все рассмотренные предметы размещались в области таза умершего человека.

Важной составляющей изучения обнаруженных железных изделий стала морфологическая характеристика и классификация отдельных функциональных категорий снаряжения в аспекте их хронологической атрибуции.

Поясные пряжки

Изделия данной категории обнаружены в десяти погребениях некрополя Чобурак-I. Зафиксированы 17 экз., входящих в сопроводительный инвентарь захоронений семи мужчин, одной женщины, подростка и ребенка. В четырех объектах (курганы №20а, 29а, 30, 31а) присутствовало несколько таких изделий.

Классификация поясных пряжек основана на их разделении по нескольким морфологическим признакам: группа — материал изготовления; разряд — вид фиксатора свободного конца ремня в прорези рамки; раздел — размещение фиксатора ремня на рамке; отдел — наличие или отсутствие щитка, особенности его соединения с рамкой; подраздел — способ крепления щитка к ремню; тип — абрис рамки; вариант — форма и длина лицевой части щитка. В анализируемую серию были включены 11 экз., которые характеризовались всем набором необходимых показателей. В результате выделены одна

группа, один разряд, один раздел, два отдела с одним подотделом, пять типов поясных пряжек с четырьмя вариантами.

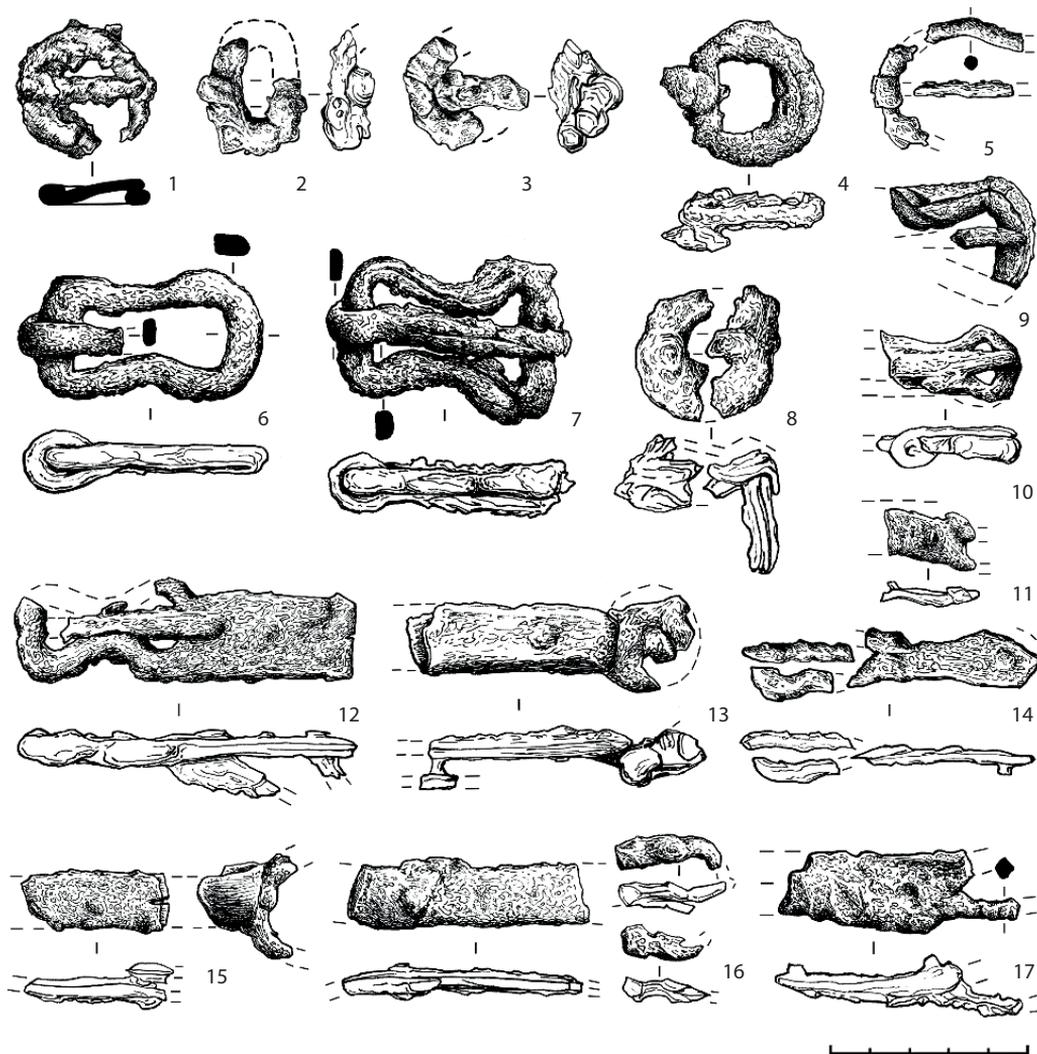

Рис. 1. Железные поясные пряжки из погребений некрополя Чобурак-I:
 1 – курган №29; 2, 3 – курган №29а; 4 – курган №32; 5, 11, 14 – курган №31а;
 6, 10, 13 – курган №30; 12, 15 – курган №30а; 16 – курган №31; 8 – курган №32а;
 9 – курган №34; 7, 17 – курган №38

Fig. 1. Iron belt buckles from the burials of the Choburak-I necropolis:
 1 – mound No. 29; 2, 3 – mound No. 29a; 4 – mound No. 32; 5, 11, 14 – mound No. 31a;
 6, 10, 13 – mound No. 30; 12, 15 – mound No. 30a; 16 – mound No. 31; 8 – mound No. 32a;
 9 – mound No. 34; 7, 17 – mound No. 38

Группа I. Железные.**Разряд I. Подвижный язычок.****Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.**

Отдел I. Без щитка. Ремень пропускается в приемную прорезь, перегибается через основание рамки с последующим пришиванием.

Тип 1. Овальные. Включает 4 экз. из курганов №29, 29а, 32. Размеры рамки 3,3–3,7×2,3–3,3 см (рис. 1.-1–4; 7.-1).

Тип 2. Восьмерковидные. Включает 2 экз. из курганов №30 и 38. Размеры рамки 5,5×4,1–2,3–2,6 см (рис. 1.-6, 7; 7.-3, 4).

Отдел II. Подвижный щиток, четко выделенный от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел а* — щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 3. Округлые. *Вариант а* — с прямоугольным коротким щитком. Включает 1 экз. из кургана №32а. Размеры рамки 3,5×3,6 см, щитка — 2,7×2,5 см (рис. 1.-8; 7.-2). *Вариант б* — с прямоугольным щитком удлинённых пропорций. Включает 2 экз. из курганов №30 и 30а. Размеры рамки 2,7×2,8 см, длина щитка составляет не менее 5 см при ширине 1,5 см (рис. 1.-13, 15; 7.-6).

Тип 4. Восьмерковидные. *Вариант а* — с прямоугольным щитком удлинённых пропорций. Размеры рамки 4,8×2,5–1,6–2,6 см, размеры щитка 4,4×2 см. Включает 1 экз. из кургана №30а (рис. 1.-12).

Тип 5. Арочные. *Вариант а* — с прямоугольным щитком удлинённых пропорций. Размеры рамки 3,3×2,9 см, длина щитка составляет не менее 6,5 см при ширине 1,5 см. Включает 1 экз. из кургана №31 (рис. 1.-16).

В классифицированной выборке поясных пряжек присутствовали только железные образцы с подвижным язычком, закрепленным на основании рамки. На Алтае пряжки с таким способом фиксации ремня получили распространение под влиянием хунну (сюнну), по-видимому, не ранее 2-й трети II в. до н.э. (Матренин, 2017, с. 41). Среди них модификации без щитка с овальной в плане рамкой (тип 1) относятся к числу широко встречающихся элементов снаряжения, известных у населения булан-кобинской культуры в период со 2-й половины I в. до н.э. и до V в. н.э. (Матренин, 2017, с. 30–31, 43; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 72, 76). Пряжки с восьмерковидной рамкой без щитка (тип 2) имеют датированные аналогии в сяньбийских погребениях Забайкалья конца I — начала IV в. н.э. и тесинских комплексах Среднего Енисея I в. до н.э. — II в. н.э. (Яремчук, 2005, рис. 96.-3; Кузьмин, 2011, табл. 40.-19–20).

Поясные пряжки, которые оснащены выделенным подвижным щитком в виде пластины-полуобоймы, присоединяющейся к ремню с помощью шпеньков, ранее всего стали использовать хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э., но особенно часто — в I в. н.э. (Коновалов, 1976, табл. XI.-13, 17; Төрбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зураг 3; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 18.-4–6; Амартувшин, Хатанбаатар, 2010, т. 289, зураг 7). Под влиянием позднихуннуской и раннесяньбийской материальной культуры такие изделия появились во II в. н.э. в снаряжении кочевников Алтая и широко применялись до V в. н.э. включительно. Обнаруженные в погребениях некрополя Чобурак-I подвижнощитковые пряжки с овальной рамкой (тип 3а–б) по-

лучили распространение в предметном комплексе племен Алтая во 2-й половине II — V в. н.э. Судя по имеющимся материалам, прямоугольные щитки средних и удлинённых пропорций появились позже укороченных, по-видимому, в III в. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 78). Пряжка восьмерковидной формы с длинным щитком-полубоймой (тип 4) обнаруживает сходство с экземплярами, найденными в комплексах булан-кобинской культуры 2-й половины III — V в. н.э. (Матренин, Тишкин, 2016, с. 53, рис. 2.-9; Матренин, 2017, с. 34, 48).

К достаточно редким образцам относится пряжка с рамкой в виде арки и подвижным прямоугольным щитком-полубоймой удлинённых пропорций (тип 5). За пределами Алтая наиболее близкие по оформлению изделия обнаружены в погребальном комплексе V в. н.э. в Западной Туве (могильник Усть-Хадынных-III, курган №21) (Панкова, 2003, рис. 4.-11). Аналогичные экземпляры зафиксированы в материалах некрополя Степушка (IV в. н.э.), а также в одной из раннетюркских оградок комплекса Кудыргэ (Илюшин, 2000, рис. II.-1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 16.-8, с. 74, 79).

Единственная обнаруженная в могильнике Чобурак-I поясная пряжка с подвижным язычком, размещающимся на цельной вертлюге в проеме Т-образной рамки (рис. 1.-10; 7.-8) неполной сохранности, имеет разный археологический возраст в рамках периодизационных схем при изучении поясных гарнитур древних народов «западной» и «восточной» частей степной зоны Евразии (Дьяконова, 1970, табл. XII.-24, 33, 47; Уманский, 1974, с. 141, рис. 3.-3; Малашев, 2000, рис. 3Б.-2, 3; 5А.-3; Николаев, 2000, рис. 3.-2, 8; 4.-2, 5; Горбунова, 2001, рис. 5.-26; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8.-37, 38; Медведев, 2004, с. 91–92, рис. 1.-53; Симоненко, 2004, с. 145; Труфанов, 2004, рис. 4.-1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; 5). Период использования таких пряжек носителями булан-кобинской культуры Алтая, судя по имеющимся материалам, приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. (Матренин, 2017, с. 50).

Поясные бляхи

Рассматриваемые изделия представлены металлическими пластинами декоративного и декоративно-функционального назначения, фиксирующимися к кожаному ремню. Поясные бляхи происходят из семи погребений (курганы №30, 31, 31а, 32, 32а, 33, 38). Количество таких элементов в комплексах поясных гарнитур значительно варьировало — от одного до двух десятков изделий. Сравнительное их изучение (суммарно не менее 90 экз.) было проведено по комплексу следующих признаков: группа — материал; разряд — способ крепления к ремню; раздел — конструкция корпуса; отдел — отсутствие или наличие колец, скоб, прорезей; подотдел — особенности соединения блях с кольцами и скобами; тип — форма лицевой части корпуса блях; вариант — пропорции изделий. Выделены одна группа, два разряда, четыре раздела, два отдела, один подотдел, восемь типов поясных блях, дополненных девятью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Бляхи-накладки, закреплявшиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Корпус выполнен из одной прямой или слегка изогнутой пластины.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип I. Подквадратные. *Вариант а* — малые (1,4–1,8×1,9–2,2 см). Включает 29 экз. из курганов №31 (17), 31а (5), 38 (7) (рис. 2.-1–23; 7.-9–16).

Тип 2. Прямоугольные. *Вариант а* — малые (3,9–6,4×2,1–2,3 см). Включает 3 экз. из курганов №30, 32а и 38 (рис. 2.-30; 3.-2, 3; 7.-17, 19, 20).

Тип 3. Вытянуто-прямоугольные. *Вариант а* — малые (3,8×1,1–1,5 см). Включает 6 экз. из курганов №30 (1), 31а (4), 32а (1) (рис. 2.-24–28; 3.-1; 7.-17). Вариант б — большие (4–11×1,6–2,1–2,8 см). Включает 2 экз. из кургана №30 (рис. 3.-7, 11; 7.-21, 22).

Тип 4. Прямоугольно-овальные. *Вариант а* — малые (2,3–2,7×1–2,1 см). Включает 6 экз. из курганов №31 (3) и 32 (3) (рис. 3.-4–6, 8–10; 8.-1–3).

Раздел II. Корпус выполнен из двух равновеликих прямых пластин, накладывающихся друг на друга.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 5. Трапециевидные. *Вариант а* — малые (3,8×1,5–1,8 см). Включает 1 экз. из кургана №33 (рис. 3.-12; 8.-8).

Тип 6. Прямоугольно-овальные. *Вариант а* — большие (8,7×1,5 см). Включает 1 экз. из кургана №31 (рис. 3.-14; 8.-7).

Раздел III. Корпус выполнен из пластины с одной сильно загнутой короткой стороной или сложенной пополам в полуобойму.

Отдел II. С одним кольцом. Подотдел *а* — подвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины, на ее загнутом конце. Пластина охватывает кольцо в месте перегиба.

Тип 7. Прямоугольные. *Вариант а* — малые (2,3–3,6×0,9–2,3 см). Включает не менее 28 экз. из курганов №30 (10), 31а (7), 32а (2), 38 (9) (рис. 4.-1–49; 8.-11, 13–16).

Разряд II. Бляхи-зажимы. Фиксируются на ремне за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса без шпеньков.

Раздел IV. Корпус выполнен из пластины с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими (верхними и нижними) сторонами и напоминает собой скобу.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 8. Прямоугольные. *Вариант а* — малые (0,5×2,1 см). Включает не менее 10 экз. из кургана №32 (рис. 3.-13; 8.-9).

Большинство сохранившихся железных поясных блях-накладок со шпеньковым креплением, обнаруженных в погребениях некрополя Чобурак-I, были изготовлены из одной прямой или слегка согнутой пластины малого размера без колец, имеющей подквадратную форму (тип 1). Такие предметы впервые известны у хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. (Erdelyi, 2000, fig. 37; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 4.-22; 8.-17, 22; 10.-14; Ковычев, 2006, рис. 3.-8; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, 233, 235, 253, 257). У населения Алтае-Саянского региона данные изделия получили распространение под влиянием традиций материальной культуры сяньби во 2-й половине II — начале III в. н.э. и широко использовались «булан-кобинцами» до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 62, 72; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 88; Серегин и др., 2022, с. 68–69). Отдельные их «запаздывающие» экземпляры встречены в снаряжении тюрок Алтая 2-й половины V — 1-й половины VI в. н.э. (Илюшин, 2000, рис. V.-10). Приведенные хронологические выкладки справедливы и в отношении зафиксированных немногочисленных блях-накладок прямоугольной формы (тип 2).

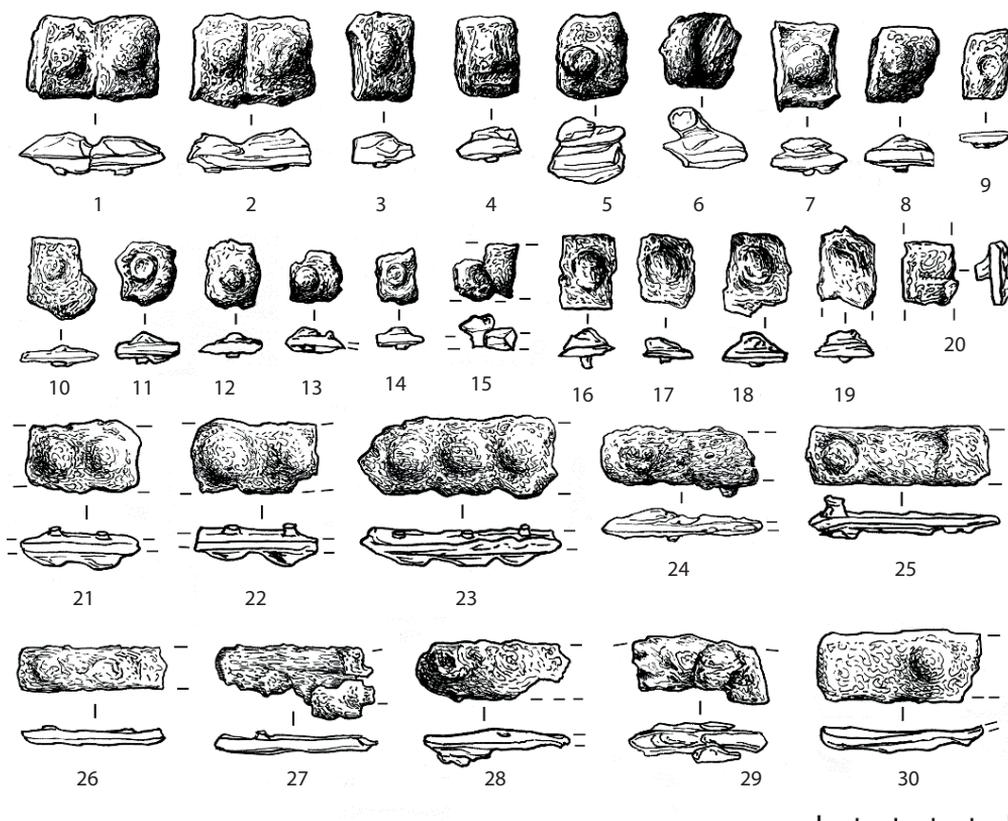

Рис. 2. Железные поясные бляхи из погребений некрополя Чобурак-I:
1–9, 11–15 – курган №31; 16–20, 25, 26, 27 – курган №31а; 21–23, 30 – курган №38;
24 – курган №30; 28, 29 – курган №32а

Fig. 2. Iron belt plaques from the burials of the Choburak-I necropolis:
1–9, 11–15 – mound No. 31; 16–20, 25, 26, 27 – mound No. 31a; 21–23, 30 – mound No. 38;
24 – mound No. 30; 28, 29 – mound No. 32a

Бляхи-накладки в виде прямой вытянуто-прямоугольной пластины малого (тип 3а) и большого (тип 3а) размера имеют ранние датированные аналогии в материалах позднехуннского некрополя I в. н.э. Кия-13 в Юго-Восточном Забайкалье¹⁹. Схожие изделия происходят из комплексов, исследованных на территории Тувы: некрополь Аймырлыг-XXXI, датируемый I — начало III в. н.э.²⁰, а также более поздние объекты IV–V вв.

¹⁹ Выражаем признательность Е. В. Ковычеву за возможность ознакомления с неопубликованными материалами могильника Кия-13. К сожалению, захоронения данного памятника были потревожены древними грабителями. В связи с этим нет полной уверенности, что все железные изделия являются деталями поясных наборов.

²⁰ Отдельные предметы из археологической коллекции данного памятника любезно показаны одному из авторов статьи научным сотрудником Государственного Эрмитажа Н. Н. Николаевым.

н.э. — Кара-Тал-III, курган №3 и Усть-Хадынных-III, курган №21 (Панкова, 2003, рис. 4-10; Памятники..., 2010, с. 168–169). Бляхи с таким абрисом средних и крупных размеров присутствуют в снаряжении населения зоргольской (конец I — начало III в. н.э.) и дуройской (III–IV вв. н.э.) культур Приаргунья (Яремчук, 2005, рис. 99.-1, 2, 5, 10; 103.-1–4; Зюзин, 2008, с. 168–169). На Алтае поясные бляхи типа 3 получили массовое распространение со 2-й половины III в. н.э. Верхний хронологический горизонт их бытования у «булан-кобинцев» соответствует V в. н.э., что демонстрируют изделия из могильников Верх-Уймон, Дялян, Кок-Паш, Яломан-II (Матренин, 2017, с. 62, 73). Аналогичную датировку, по-видимому, имеют обнаруженные в могильнике Чобурак-I поясные бляхи-накладки прямоугольно-овальной формы малого размера (тип 4).

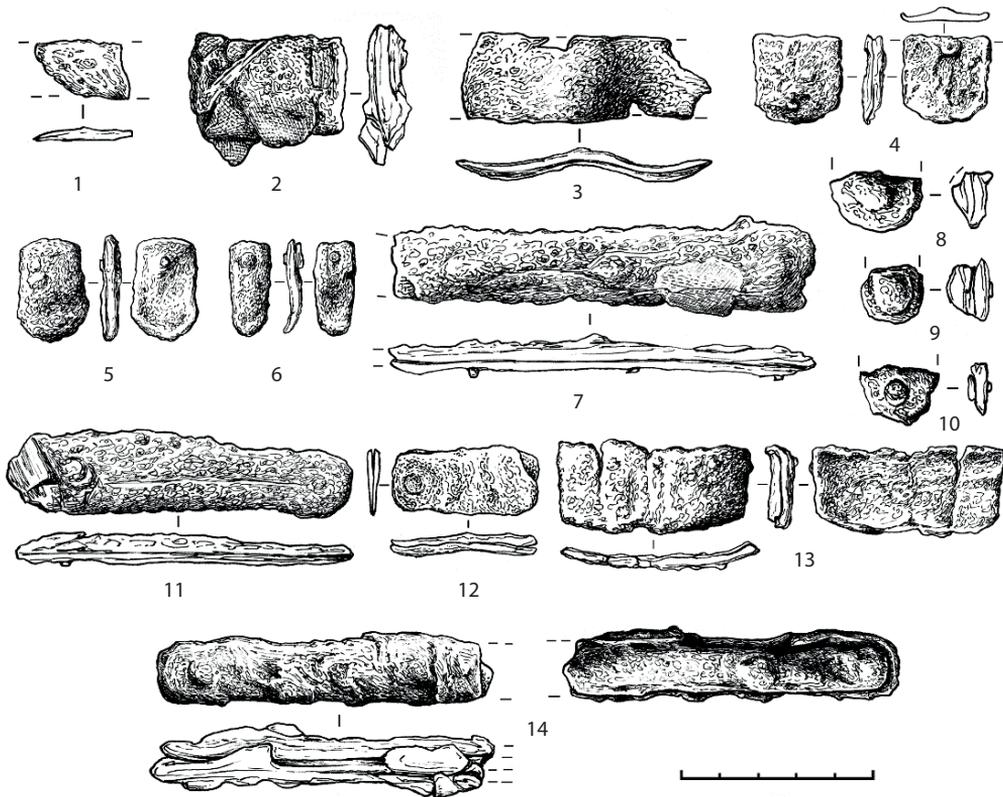

Рис. 3. Железные поясные бляхи из погребений некрополя Чобурак-I:
1 – курган №31а; 3 – курган №32а; 2, 7, 11 – курган №30; 8–10, 14 – курган №31;
4–6, 13 – курган №32; 12 – курган №33

Fig. 3. Iron belt plaques from the burials of the Choburak-I necropolis:
1 – mound No. 31a; 3 – mound No. 32a; 2, 7, 11 – mound No. 30; 8–10, 14 – mound No. 31;
4–6, 13 – mound No. 32; 12 – mound No. 33

Рис. 4. Железные поясные бляхи из погребений некрополя Чобурак-I:
 1–4, 7, 21–23, 28, 38–45, 47 – курган №30; 5, 6, 8, 9, 29–37, 48, 49 – курган №31а;
 10, 11 – курган №32а; 12–20 – курган №38

Fig. 4. Iron belt plaques from the burials of the Choburak-I necropolis:
 1–4, 7, 21–23, 28, 38–45, 47 – mound No. 30; 5, 6, 8, 9, 29–37, 48, 49 – mound No. 31a;
 10, 11 – mound No. 32a; 12–20 – mound No. 38

Достаточно редкими модификациями поясных принадлежностей выступают бляхи-накладки, сделанные из двух прямых равновеликих пластин трапецевидной (тип 5) и прямоугольно-овальной (тип 6) формы, накладывающихся друг на друга. Данные изделия не имеют точных аналогий в обширной коллекции снаряжения носителей бу-

лан-кобинской культуры. По своей конструкции они напоминают ременные наконечники, появившиеся у населения Алтая в конце III — начале IV в. н.э. и использовавшиеся кочевниками региона до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 83, 84, 89, 90).

Железные бляхи-накладки, изготовленные из согнутой пополам в полуобойму пластины и снабженные подвижным кольцом на нижней стороне прямоугольного корпуса (тип 7), имеют информативные для датировки аналогии в материальной культуре сяньби Восточного Забайкалья (конец I — начало III в. н.э.) и населения Тувы (II–IV вв. н.э.) (Дьяконова, 1970, табл. XI.-13–24, 47; XII.-5–7, 23–28; Николаев, 2000, рис. 1.-4, 6, 10; 3.-4, 12; Яремчук, 2005, рис. 96.-5). Подобные изделия получили широкое распространение в погребениях II–V вв. н.э., раскопанных на территории Алтая (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 46.-4, 5; Соенов, Эбель, 1992, рис. 44; Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, рис. 6.-29–31; 7.-3–5, 7, 11, 12, 17, 19, 32, 33; 11.-25–27; 13.-12, 13; 17.-12; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-30; Матренин, 2017, с. 64, 66, 75; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 82, 89–90; Серегин и др., 2022, с. 71; табл. 15.-1–9; и др.).

Хронологически показательными элементами предметного комплекса выступают железные бляхи-зажимы, представляющие собой узкие пластины с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими (верхними и нижними) сторонами (тип 8). К сожалению, данные предметы (не менее 10 экз.) оказались сильно корродированы, что не позволяло определить их точное количество. Судя по имеющимся материалам из закрытых археологических комплексов с территории Алтая, Верхнего Приобья и Восточного Забайкалья, такие изделия датируются не ранее IV в. н.э. (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-4; 11.-5; 13.-12; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXI.-24; Зюзин, 2008, с. 168–169; Матренин, 2017, с. 66, 76; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 90).

В целом сохранившиеся поясные бляхи из могильника Чобурак-I характеризуются значительным разнообразием. Принимая во внимание результаты проведенного сравнительного исследования с привлечением актуального корпуса аналогий, можно сделать вывод, что большинство типов изделий датируются в широком интервале — II–V вв. н.э. Рассмотренные детали гарнитур отражают общую тенденцию изготовления наборных поясов населением Алтая в сяньбийский и жужанский периоды, которая состояла в массовом использовании железных блях-накладок из прямых пластин и пластин-полуобойм с подвижным кольцом. Показательным является присутствие поясных блях, появившихся в снаряжении «булан-кобинцев» не ранее IV в. н.э.

Наконечники ремней, «блоки», распределитель, крепления, застежки

Наконечники ремней являются функционально-декоративными предметами, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня, предохраняя его от стирания. В двух погребениях некрополя Чобурак-I (курганы №32 и 38) обнаружены три таких изделия, присоединявшиеся к подвесным ремешкам пояса. По основным морфологическим параметрам (материал, способ крепления к ремню, конструкция и форма корпуса) они относятся к одному типу — представляют собой железную монолитную прямую пластину с прямоугольно-овальным абрисом, фиксирующуюся к кожаной основе с помощью нескольких вставных шпеньков. Длина данных экземпляров составляет 4,6–7,7 см, ширина — 1,5–2,5 см (рис. 5.-1–3; 8.-4–6).

На территории Алтае-Саянского региона ближайшая аналогия зафиксированным наконечникам обнаружена в Туве в могильнике кокзельской культуры Кара-Тал-IV, археологический возраст которого определен не ранее рубежа III в. н.э. (Памятники..., 2010, с. 64). Близкий по оформлению предмет укороченных пропорций, изготовленный из цветного металла, найден в некрополе Кокэль (Дьяконова, 1970, табл. XI.-51), датируемом концом III — IV в. н.э. (Николаев, 2001, с. 24–25, 55). В Центральной Азии ранние экземпляры ременных наконечников рассматриваемого облика известны у хунну (сюнну) Монголии в I в. н.э.²¹ Единичные находки схожих предметов, изготовленных из цветного металла, происходят из памятников III — начала IV в. н.э. Притоболья, Новосибирского Приобья, предгорий Кузнецкого Алатау (Меженова, Мжельская, 2000, с. 196–197; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 58.-19; табл. 10; Ширин, 2003, табл. LXXIX.-139; и др.). В Приуралье и Восточной Европе появление таких ременных наконечников относится к 1-й половине III в. н.э. (Малашев, 2000, рис. 2). Принимая во внимание имеющиеся источники, весьма немногочисленные для Северной и Центральной Азии, начало использования таких изделий на Алтае представляется возможным установить в рамках 2-й половины II — начала III в. н.э., что соответствует времени широкого распространения в данном регионе наборных поясов с бляхами-накладками шпенькового крепления. Верхняя хронологическая граница бытования подобных изделий у населения булан-кобинской культуры определяется пока условно V в. н.э. Аналогии данным ременным наконечникам зафиксированы в погребальных комплексах Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Улуг-Чолтух-I, Яломан-II (Матренин, 2017, с. 84, 87–88, 90).

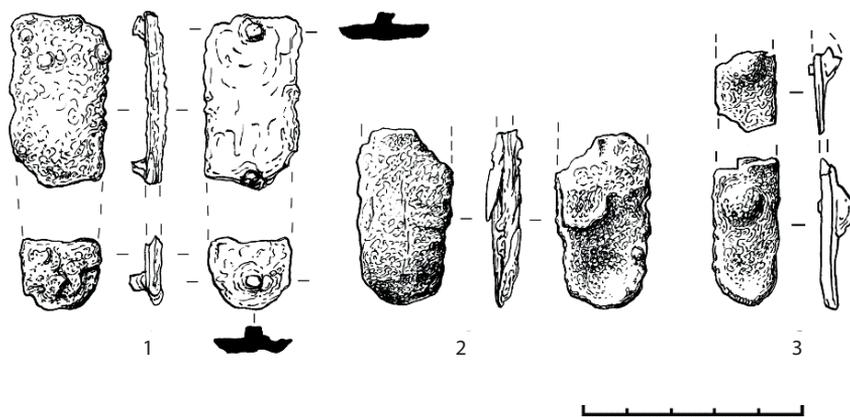

Рис. 5. Железные наконечники ремней из погребений некрополя Чобурак-I: 1, 2 — курган №32; 3 — курган №38

Fig. 5. Iron tips of belts from the burials of the Choburak-I necropolis: 1, 2 — mound No. 32; 3 — mound No. 38

²¹ Несколько накладных наконечников ремней со шпеньковым креплением, имеющих овально-прямоугольную форму корпуса, обнаружено при раскопках элитного погребального комплекса хунну (сюнну) Гол-Мод-2 (конец I в. до н.э. — I в. н.э.) в Центральной Монголии. Авторы выражают благодарность Д. Эрдэнэбаатару за возможность работы с материалами данного памятника.

«Блоки». Такое условное обозначение получили металлические предметы в виде колец и петель, которые использовались для соединения (стягивания, завязывания) ремней, а также подвешивания каких-либо небольших вещей и футляров (сумочек). При изучении материалов некрополя Чобурак-I к числу «блоков» отнесены семь предметов из курганов №31, 31а, 32, 38. Расположение этих изделий позволяет заключить, что они могли фиксироваться к поясам с помощью подвижной кожаной петли или к свободно свисающим португейным ремешкам. Вероятно, отдельные экземпляры крепились к ремешкам верхней одежды. Систематизация обозначенных изделий осуществлялась по следующим признакам: группа — материал, разряд — техника изготовления, раздел — конструкция, отдел — способ крепления к ремню, тип — форма изделия в плане.

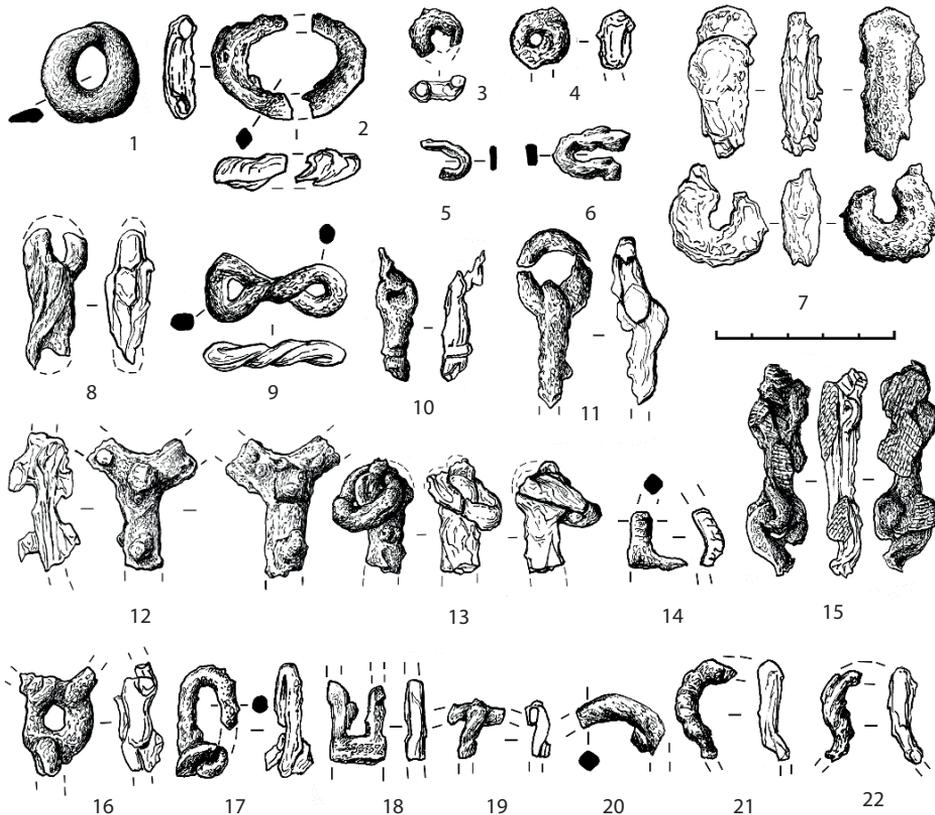

Рис. 6. Железные «блоки» (1–7), крепления (8–11, 13–22), распределитель (12) из погребений некрополя Чобурак-I: 1, 3 – курган №31; 2, 14, 17–22 – курган №31а; 4 – курган №32а; 5, 6, 10 – курган №38; 7, 13 – курган №32; 8 – курган №30; 11, 15, 16 – курган №30а; 12 – курган №29а

Fig. 6. Iron "blocks" (1–7), fixtures (8–11, 13–22), distributor (12) from the burials of the Choburak-I necropolis: 1, 3 – mound No. 31; 2, 14, 17–22 – mound No. 31a; 4 – mound No. 32a; 5, 6, 10 – mound No. 38; 7, 13 – mound No. 32; 8 – mound No. 30; 11, 15, 16 – mound No. 30a; 12 – mound No. 29a

Группа I. Железные.**Разряд I. Кованые.****Раздел I. Сомкнутые.****Отдел I. Без фиксирующих элементов.**

Тип 1. Округлые. Включает 3 экз. из курганов №31 (2) и 32а (1). Диаметр изделий варьирует от 1,5 до 2,8 см (рис. 6.-1, 3, 4; 8.-18).

Тип 2. Овальные. Включает 3 экз. из курганов №31а (1) и 38 (2). Размеры предметов различные: 1,6–3,4×0,7–2,4 см (рис. 6.-2, 5, 6; 8.-17, 19, 20).

Отдел II. С фиксатором-шпеньком.

Тип 3. Округлые. Включает 1 экз. из кургана №32. Размеры изделия такие: петля — 2,5×2,7 см; щиток — 4,8×1,3 см (рис. 6.-7).

Железные округлые «блоки» большого размера известны у хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья во II в. до н.э. — I в. н.э. (Давыдова, 1996, табл. 5.-19, 20; 11.-23–26, 30; 12.-20–22; 16.-3, 4; 17.-7; 22.-15; 23.-6, 7; 26.-11, 13; и др.; Миняев, 1998, табл. 52.-1–3; 55.-6; 56.-5, 6; 59.-6, 8, 9; 67.-13; и др.; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 178, зураг 4, 5; т. 180, зураг 2, 3; т. 246, зураг 2–4). «Блоки» небольшого размера, относящиеся к типам 1 и 2, за пределами Алтая в наибольшем количестве встречены в памятниках кочевников Тувы в III–IV вв. н.э. (Кенк, 1984, Abb. 29.-F, 8; 33.-B, 2, C.-33; 35.-E, 1; 36.-E, 1; 38.-D, 3, J, 2, K, 3; 41.-A, 8; 42.-A, 17; Николаев, 2000, с. 70–71). Население булан-кобинской культуры широко использовало овальные «блоки» типа 2 на протяжении II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 95; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 96; Серегин и др., 2022, с. 73–74). Железный «блок» в виде сомкнутой петли, фиксировавшейся с помощью шпеньков (тип 3), имеет аналогии среди ременных гарнитур из булан-кобинских погребений 2-й половины III — IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I, Булан-Кобы-IV, Степушка) и 2-й половины IV — V в. н.э. (Кок-Паш) (Матренин, 2017, с. 94).

Крепления в анализируемой коллекции вещей представлены 11 изделиями из семи погребений (курганы №30, 30а, 31, 31а, 32, 32а, 38). Среди них идентифицированы четыре короткие восьмерковидные витые цепочки (рис. 6.-8, 9, 10, 15; 8.-23–25, 27, 30), использовавшиеся для подвешивания каких-либо предметов (по-видимому, ножен), а также семь фрагментированных «петель», «колец» и «стержней (пробоев)» (рис. 6.-11, 13, 14, 16–22; 8.-26, 28, 29), функциональное назначение которых точно не установлено. Среди данных элементов снаряжения информативными для датировки являются витые цепочки, относящиеся к хронологическим маркерам материнской культуры населения Алтая IV–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 25).

Распределитель ремней найден в кургане №29а. Данный элемент поясной гарнитуры изготовлен из железа и снабжен тремя неподвижными лопастями с креплениями-фиксаторами в виде шпеньков (рис. 6.-12; 8.-10). Рассматриваемый предмет не имеет аналогий в известных нам материалах Алтая II в. до н.э. — V в. н.э., а также среди трехлучевых распределителей с цельными лопастями из археологических комплексов ранне-средневековых тюрок обозначенного региона.

Рис. 7. Железные элементы поясов из погребений некрополя Чобурак-I: 1 – курган №29; 2, 19 – курган №32а; 3, 6, 8, 20–22 – курган №30; 4, 14–17 – курган №38; 5 – курган №34; 7 – курган №30а; 9, 12, 13 – курган №31; 10, 11, 18 – курган №31а

Fig. 7. Iron elements of belts from the burials of the Choburak-I necropolis: 1 – mound No. 29; 2, 19 – mound No. 32a; 3, 6, 8, 20–22 – mound No. 30; 4, 14–17 – mound No. 38; 5 – mound No. 34; 7 – mound No. 30a; 9, 12, 13 – mound No. 31; 10, 11, 18 – mound No. 31a

Рис. 8. Железные элементы поясов из погребений некрополя Чобурак-I:
 1–3, 5, 6, 9 – курган №32; 4, 12, 16, 19, 20, 29, 30 – курган №38;
 7, 18, 23, 28 – курган №31; 8 – курган №33; 10 – курган №29а; 11, 17, 21 – курган №31а;
 13–15, 24 – курган №30; 22, 25–27 – курган №30а

Fig. 8. Iron elements of belts from the burials of the Choburak-I necropolis:
 1–3, 5, 6, 9 – mound No. 32; 4, 12, 16, 19, 20, 29, 30 – mound No. 38;
 7, 18, 23, 28 – mound No. 31; 8 – mound No. 33; 10 – mound No. 29a; 11, 17, 21 – mound No.
 31a; 13–15, 24 – mound No. 30; 22, 25–27 – mound No. 30a

Разновидности поясов

Изучение взаимной встречаемости рассмотренных ременных гарнитур предоставляет основания для заключения о том, что в шести мужских погребениях некрополя Чобурак-I присутствовали наборные пояса, в которые обязательно входили основная пряжка с подвижным язычком и бляхи разной конструкции, а в отдельных случаях — другие элементы. Состав зафиксированных изделий позволяет выделить три типа наборных поясов.

Тип 1. С железными деталями гарнитуры, представленными бляхами-накладками, изготовленными из одной или двух прямых пластин разной формы (типы 1, 4, 6) и «блоками» (тип 1). Включает пояс из кургана №31, оснащенный пряжкой с арочной рамкой и подвижным щитком (тип 6).

Тип 2. С железными элементами гарнитуры, представленными бляхами-накладками из прямых пластин разной формы (типы 1–4) и бляхами-полуобоймами с подвижным кольцом (тип 7), а также с дополнительными элементами — наконечником ремня и «блоками» (типы 2, 3) (курганы №32 и 38); только с «блоками» (типы 1, 2) (курганы №31а и 32а). Пояса застегивались разными модификациями пряжек (типы 2, 3, 4).

Тип 3. С железными компонентами гарнитуры в виде блях-накладок (тип 3), блях-полуобоймой с подвижным кольцом (тип 7) и блях-зажимов (тип 8). Включает пояс из кургана №30, снабженный основной пряжкой с восьмерковидной рамкой (тип 3).

Вариабельность поясных наборов не имеет связи с возрастом умерших мужчин и, по-видимому, отражает персональные предпочтения их владельцев. Установлено, что гарнитуры с большим количеством элементов могли присутствовать в погребениях, содержавших престижный и редкий инвентарь, а также в захоронениях со «стандартным» комплектом вещей. К примеру, в захоронении мужчины из кургана №30а, отличающемся весьма представительным составом вооружения и других предметов, обнаружен простой пояс, застегивающийся с помощью восьмерковидной пряжки с подвижным щитком. В раскопанных на некрополе Чобурак-I погребениях женщины, ребенка и подростка находились простые пояса, которые были снабжены только пряжкой (курганы №29, 34), пряжками и распределителем (курган №29а), бляхой-накладкой (курган №33).

Заключение

Изучение обширной серии сохранившихся железных ременных гарнитур из 11 непо потревоженных погребений булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I продемонстрировало вариативность оформления поясов населением Северного Алтая в жузжанское время. Типологический анализ большинства классифицированных изделий (пять типов пряжек, восемь типов блях, один тип ременных наконечников, три типа «блоков») с привлечением актуальных аналогий из археологических комплексов разных регионов Центральной и Северной Азии эпохи Великого переселения народов показал, что большинство рассмотренных модификаций пряжек и блях появились на основе местной переработки образцов сянбийской традиции и имеют разную относительную хронологию: 2-я половина II — V в. н.э., III–V вв. н.э. и IV–V вв. н.э. Исследованные предметы представлены как широко распространенными, так и весьма редкими типами поясных принадлежностей. Показательным является присутствие в со-

ставе наборных поясов блях-зажимов и восьмерковидных креплений, характерных для снаряжения «булан-кобинцев» не ранее IV в. н.э. Изучение взаимной встречаемости сохранившихся гарнитур позволило выделить три типа наборных поясов, в которые обязательно входили основная пряжка с подвижным язычком и бляхи разной конструкции, а в отдельных случаях — другие элементы. Установлено, что наборные пояса происходили только из погребений мужчин разного возраста, а различие комплектации гарнитур отражало индивидуальные предпочтения их владельцев. Сформулированные заключения подтверждают выявленные ранее тенденции в эволюции снаряжения населения Алтая на рубеже поздней древности и раннего Средневековья и расширяют возможности для комплексного изучения предметного комплекса булан-кобинской культуры. Вводимые в научный оборот археологические материалы актуализируют продолжение работ по уточнению относительной хронологии памятников Алтая с целью выявления эталонных комплексов, относящихся к началу жужанского периода (середина IV — начало V в. н.э.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу. Археологийн судлал. Улаанбаатар : БЭМБИ САН, 2010. Б. (VII) XXVII. Т. 202–296 (на монг. яз.).

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 35. СПб. : ГЭ, 2001. С. 126–151.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 174 с.

Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 80–209.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. — I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 174–204.

Зюзин А. В. Предметы вооружения из сянбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул : Азбука, 2008. С. 168–169.

Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. С. 157–169.

Кирушин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск : Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2006. С. 242–258.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

Малашев В. Ю. Периодизация реманных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону : Terra, 2000. С. 194–232.

Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Рябогина Н. Е. Новые памятники бронзового и железного веков. Древности Ингальской долины: археолого-палеогеографическое исследование. Новосибирск : Наука, 2003. 174 с.

Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2. С. 48–66.

Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Меженова Я. А., Мжельская Т. В. К вопросу о хронологии курганов могильника Быстровка-3 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. Т. 1. С. 195–197.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб. : АзиатИКА, 1998. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса №7 в могильнике Царам // Археологические вести. 2002. Вып. 9. С. 86–118.

Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.

Николаев Н. Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб. : Элик-Сис, 2010. 252 с.

Панкова С. В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. №11. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 92–106.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 51–68.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 134–173.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. №4. С. 160–170.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. Улаанбаатар; Сеул : Монголын Ундэсний Туухийн Музей, 2003. 277 т. (на монг., кор. яз.).

Шишин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Erdelyi I. *Archaeological Expeditions in Mongolia*. Budapest : Mundus Hungarian University, 2000. 261 p.

Kenk R. *Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel, Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien*. München : Verlag C.H. Beck, 1984. Band 25. 202 s.

REFERENCE

Amartuvshin Ch., Hatanbaatar P. A Study of Hunnu Tombs. In: *Archeological Research in Dundgovi Province*. Ulaanbaatar : BAMBI SAN, 2010. Pp. 202–296. (*In Mong.*)

Aseev I. V., Kirillov I. I., Kovychev E. V. *Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (Based on Burial Materials)*. Novosibirsk : Nauka, 1984. 201 p. (*In Russ.*)

Belikova O.B., Pletneva L. M. *The Sites of the Tomsk Ob Region in the 5th–8th Centuries AD*. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 243 p. (*In Russ.*)

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. *Eastern Altai in the Era of the Great Migration of Peoples (the 3rd–7th Centuries)*. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. 224 p. (*In Russ.*)

Gorbunova N.G. *Pastoralists of Bactria, Sogd and Central Kyzylkum*. In: *Archaeological Collection of the State Hermitage*. Issue. 35. St. Petersburg : Gosudarstvennyj Ermitazh, 2001. Pp. 126–151. (*In Russ.*)

Davydova A. V. *Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. 2: Ivolginsky Burial Ground*. St. Petersburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. 176 p. (*Archaeological sites of the Xiongnu. Issue 2*). (*In Russ.*)

Dobzhanskij V. N. *Stacked Belts of Asian Nomads*. Novosibirsk : NGU, 1990. 174 p. (*In Russ.*)

D'yakonova V. P. *Large Mounds-Cemeteries at the Kokel Burial Ground (according to the results of excavations for 1963, 1965)*. In: *Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. III: Materials on the Archaeology and Anthropology of the Kokel Burial Ground*. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 80–209. (*In Russ.*)

Zajcev Yu. P., Mordvinceva V. I. *Barbarian Burials of the Crimea the 2nd Century BC – 1st Century AD*. In: *Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology*. Krasnodar : Firma NSS, 2004. Pp. 174–204. (*In Russ.*)

Zyuzin A.V. *Armament Items from the Syanbei Burial Ground Duroy-I in Eastern Transbaikalia*. In: *Ethnocultural History of Eurasia: Modern Research and Reconstruction Experience*. Barnaul : Azbuka, 2008. Pp. 168–169. (*In Russ.*)

Ilyushin A. M. *The Kudyrge Burial Ground and Questions of Ancient Turkic History of Sayano-Altai*. In: *The Sites of Ancient Turkic Culture in the Sayano-Altai and Central Asia*. Novosibirsk : Novosib. un-t, 2000. Pp. 157–169. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., Matrenin S. S. *Materials of the Xianbei Time of the Burial and Memorial Complex Tytkesken-VI in Altai*. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2014;2(10):5–24. (*In Russ.*)

Kovychev E. V. *Some Issues of the Ethnic and Cultural History of Eastern Transbaikalia at the End of the 1st Millennium BC — 1st Millennium AD*. In: *News of the Laboratory of Ancient Technologies*. Issue 4. Irkutsk : Izd-vo Irkut. tehn. un-ta, 2006. Pp. 242–258. (*In Russ.*)

Konovalov P. B. Xiongnu in Transbaikalia (funeral monuments). Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1976. 221 p. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Kireev S. M., Cheremisin D. V. Mounds of the Bike Tract. In: Archaeological Research on the Katun. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 43–95. (*In Russ.*)

Kubarev G. V. The Culture of the Ancient Turks of Altai (based on the materials of funeral monuments). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*)

Kuz'min N. Yu. Funeral Sites of the Xiongnu-Xianbei Period in the Steppes of the Middle Yenisei: the Tesin Culture. St. Petersburg : Ajsing, 2011. 456 p. (*In Russ.*)

Malashev V. Yu. Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time. In: Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Rostov-na-Donu : Terra, 2000. Pp. 194–232. (*In Russ.*)

Matveeva N. P., Volkov E. N., Ryabogina N. E. New Sites of the Bronze and Iron Ages. Antiquities of the Ingalskaya Valley: an Archaeological and Paleogeographic Study. Novosibirsk : Nauka, 2003. 174 p. (*In Russ.*)

Matrenin S. S. Equipment of the Nomads of Altai (the 2nd Century BC – 5th Century AD). Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2017. 142 p. (*In Russ.*)

Matrenin S. S., Tishkin A. A. Buckles in the Culture of the Altai Nomads of the Jujan Time (based on the materials of the Yaloman-II monument). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;2:48–66. (*In Russ.*)

Medvedev A. P. Periodization and Chronology of the Sarmatian Sites in the Middle and Upper Don. In: Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Krasnodar : Firma NSS, 2004. Pp. 86–94. (*In Russ.*)

Mezhenova Ya. A., Mzhel'skaya T. V. To the Question of the Chronology of Barrows of the Bystrovka-3 Burial Ground. In: Heritage of Ancient and Traditional Cultures of North and Central Asia. Vol. 1. Novosibirsk : Novosib. un-t, 2000. Pp. 195–197. (*In Russ.*)

Minyaev S. S. Dyrestuy Burial Ground. St. Petersburg : AziatIKA, 1998. 233 p. (Archaeological sites of the Xiongnu. Issue 3). (*In Russ.*)

Minyaev S. S., Saharovskaya L. M. Accompanying Burials of “Royal” Complex No.7 in the Karam Burial Ground. *Arheologicheskie vesti = Archaeological News*. 2002;9:86–118. (*In Russ.*)

Nikolaev N. N. Belt Sets from the Burial Ground Kokel. In: Worldview. Archeology. Ritual. Culture. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2000. Pp. 70–85. (*In Russ.*)

Nikolaev N. N. Culture of the Population of Tuva 1st Half of the 1st Millennium AD: Abstract Dis. ... Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2001. 26 p. (*In Russ.*)

Monuments of the Kokel Culture of Tuva: Materials and Research. St. Petersburg : Elik-Sis, 2010. 252 p. (*In Russ.*)

Pankova S. V. Burials of the Middle of the 1st Millennium AD in Western Tuva. In: Antiquities of Altai. Issue 11. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. Pp. 92–106. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S., Umanskij A. P. Northern Altai in the Era of the Great Migration of Peoples (Based on the archaeological complex Karban-I). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 276 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Burial of the Rouran Period from the Northern Altai (based on the materials of the burial ground Choburak-I). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019;4(28):51–68. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Extraordinary burial of a Teenager with Military Equipment from the Choburak-I Necropolis of the Juzhan Period (Northern Altai). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2022;1:122–133. (In Russ.)

Simonenko A. V. Chronology and Periodization of the Sarmatian Sites of the Northern Black Sea Region. In: *Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology*. Krasnodar : Firma NSS, 2004. Pp. 134–173. (In Russ.)

Soenov V. I., Ebel' A. V. Mounds of the Hun-Sarmatian Era on the Upper Katun. Gorno-Altajsk : GAGPI, 1992. 116 p. (In Russ.)

Surazakov A. S. Gorny Altai and Its Northern Foothills in the Early Iron Age: Problems of Chronology and Cultural Delimitation. Gorno-Altajsk : Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va, 1988. 216 p. (In Russ.)

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Kungurov A. L. Type-Setting Belts of Altai Nomads of the Era of the Great Migration of Peoples from the Stepushka-I Site. *Rossijskaya arheologiya = Russian archeology*. 2015;1:121–135. (In Russ.)

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Schmidt A. V. Altai in the Xianbei-Rouran Period (based on materials from the Stepushka site). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 368 p. (Archaeological sites of Altai. Issue 3). (In Russ.)

Tərbat C., Amartyvshin Ch., Erdenebat U. Archaeological Sites of the Egijn gol Basin (from Bronze era to Mongol period). Ulaanbaatar : Ulsyn bagshijn ih surguul' Mongolyn tyhijn tenhim, 2003. 295 p. (In Mong.)

Trufanov A. A. Buckles of Early Provincial-Roman Forms in the Northern Black Sea Region. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2004;4:160–170. (In Russ.)

Umanskij A. P. Burial Grounds of the Upper Ob Culture on the Upper Chumysh. In: *Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia*. Novosibirsk : Nauka, 1974. Pp. 136–149. (In Russ.)

Hunnu's Grave at the Hudgijn Tolgojn. Ulaanbaatar; Seul : Mongolyn Undjesnij Tuuhijn Muzej, 2003. 277 p. (In Mong.)

Shirin Yu. V. Upper Ob and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (funeral monuments of the Fominsk culture). Novokuzneck : Kuzneckaya krepot', 2003. 288 p. (In Russ.)

Shul'ga P. I. Riding Horse Equipment and Military Belts in Altai. Part I: Early Scythian time. Barnaul : Azbuka, 2008. 276 p. (In Russ.)

Yaremchuk O. A. The Burial Ground of Zorgol-I is a Site of the Xiongnu-Xianbei Era of the Steppe Dauria: Abstract Dis. ... Candidate of Historical Sciences. Chita, 2005. 296 p. (In Russ.)

Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest : Mundus Hungarian University, 2000. 261 p.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München : Verlag C. H. Beck, 1984. Band 25. 202 s.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Серегин Н. Н.: разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

N. N. Seregin: developed the research concept, analyzed the material, made conclusions, prepared the first version of the article.

Тишкин А. А.: обобщение и обсуждение результатов, доработка и редактирование текста.

A. A. Tishkin: summed up and discussion the results, revised and editing the text.

Матренин С. С.: отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

S. S. Matrenin: selected and analyzed material, summed up and discussion the results, composed the illustrations.

Паршикова Т. С.: отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

T. S. Parshikova: selected and analyzed material, summed up the results, composed the illustrations.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Nikolai Nikolaevich Seregin, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul, Russia.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Alexey Alexeevich Tishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul, Russia.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД РФ, г. Барнаул, Россия.

Sergey Sergeevich Matrenin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia.

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Tatyana Sergeevna Parshikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia of the Altai State University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 14.03.2023.
The article was submitted 14.01.2023;
approved after reviewing 03.03.2023;
accepted for publication 14.03.2023.*